УДК 821.0

О РЕПУТАЦИИ МОДЕРНИЗМА В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА 1920–1930-х гг.*

М.И. Ибрагимов, кандидат филологических наук, доцент

В монографии, посвященной модернизму в татарской литературе и изобразительном искусстве, Ю. Нигматуллина пишет о двух его периодах в искусстве XX века: начало XX века (включая 1920-е гг.) и конец 1970-х гг. (модернизм в живописи)1. Оценивая модернизм в поэзии 1920-х гг., исследовательница замечает: «Наметившиеся в литературе 1920-х гг., после свершившейся Октябрьской революции, зачаточные формы символизма, футуризма, имажинизма (в творчестве Х. Такташа, Х. Туфана, Ф. Бурнаша, К. Наджми, Г. Кутуя) не имели серьезной философской базы. Эти течения появлялись «как в тумане» и быстро растворялись в общем потоке литературы, так и не достигнув классической зрелости»². Вместе с тем вряд ли модернизм 1920-х гг. можно оценивать как зачаточную стадию: становление модернизма происходит раньше - в 1900-1910-е гг. - и он во многом стал опорой для модернистских исканий 1920-х гг. И Х. Такташ, и Х. Туфан, и М. Джалиль, говоря о своем творчестве первой половины 1920-х гг., указывали на влияние известных поэтов начала XX века: Дардменда, Бабича и, особенно, С. Рамиева, наиболее яркого представителя гиссианизма в татарской поэзии. Непродолжительность модернистских течений, скорее, связана с формирующейся со второй половины 1920-х гг. репутацией модернизма как маргинального литературного явления. К рубежу 1920—1930-х гг. слова «модернист», «символист», «футурист», «декадент» становятся ярлыками, используемыми в борьбе с литературными оппонентами. Приведем несколько характерных примеров традиционной для того времени риторики.

В первом номере журнала «Яналиф» за 1930 г. опубликовано стихотворение Ф. Карима «Гармун турында», в котором, в частности, есть и такие строки:

Гармун, дуслар, Футурист түгел, Ул реалист, Лирик, юморист, Жырчы, артист, Актив, комсомолец, Алкоголик тотса: -Фу-ту-рист³.

Репутация футуриста здесь очевидна: он противопоставляется реалисту как социально маргинальное явление (прозрачной такую оценку делает отождествление футуриста и алкоголика).

 $^{^*}$ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-14-16015 а/B/2012.

Ф. Сайфи-Казанлы в том же 1930 году пишет: «Урыс әдәбиятында «футуристчылык», «лефлык», «имажинистлык» алымнары булып, алар чынлап та үзгәреш кертергә омтылсалар да (татар матбугатында булса бу алымнарның бүрекләрен генә киеп йөрделәр) ләкин һичбер урында аз гына булса да күзгә бәрелерлек яңалык күрсәтмәделәр»⁴. Примечательно, что автор, отказывая авангардным течениям в каком бы то ни было новаторстве, рассматривает их проявления в татарской литературе как эпигонские.

Спустя год автор по фамилии «Хисматуллин», говоря о творчестве Х. Туфана второй половины 1920-х гг., упрекает поэта за отсутствие пролетарской тематики: «Әйтәсем килгән сүз – Туфанда бүгенге төзүче пролетар образ юк. Ул ярым пролетар образларын биреп килә»⁵. Характеризуя художественные приемы Туфана и отмечая мастерство поэта в этой области, автор в то же время пишет: «Чөнки завод-фабрикаларны идеаллаштыру, электрларны идеаллаштыру – ул бер пролетариат әдәбияты өчен генә хас әйбер түгел. Машина, машина кызулыгы һәм башкалар футуристларда да күренәләр. Футуристлар һәм гомүмән футуризмның төп пролетариат агымы түгел икәнен яхшы беләбез 6 . Очевидно стремление Хисматуллина представить творчество Туфана во второй половине 1920-х гг. (речь в данном случае идет об известных поэмах поэта, таких, как «Еллар итэгендэ» (1925), «Урал эскизлары» (1926), «Ике чор арасында» (1927), «Башлана башлады» (1927), «Бибиевлар» (1927)) как подверженное влиянию футуризма, противопоставляемого пролетарской литературе как маргинальное явление.

В 12 номере журнала среди публикаций, посвященных творчеству ско-

ропостижно скончавшегося Х. Такташа («Хади Такташ турында совет матбугаты»), есть небольшая статья М. Максуда (перепечатка из газеты «Эшче» от 12 декабря 1931 г.). В ней автор следующим образом характеризует начало творческого пути известного татарского поэта: «Такташ эдэбиятка символист булып килде. Ул гысьянчы (бунтарь) вак буржуа рәвешендә, пролетариат революбетеннәй анлы циясен алмыйча, хәттә аны күрмичә» – «Үтерелгән пәйгәмбәр», «Ачлык патша» һәм «Онытылган антлар» турында, «Бакчачылар», «Урман кызы», «Пәри кызлары» турында жырлады...» 7 .

Спустя три года Г. Нигмати в своем выступлении «Социалистик реконструкция чорында Совет татар матур әдәбияты», давая оценку состояния татарской литературы с конца 1920-х гг., в частности, останавливается и на деятельности группы «Жидегән». ««Жидегән» житәкчеләреннән Печән базары обывателе вкусына каратып язган пьесаллары («Балдызкай», «Калфаклар») богемачылык идеяләре белән сугарылган футуристик төзмәләре белән танылган Кутуй әдәби критика, театр рецензияләре өлкәсендә активлык күрсәтеп, пролетариатка чит карашлар үткәргән төркем язучыларны яклап килде» 8 . В этом же ключе Г. Нигмати высказывается и о творчестве Н. Исанбета, называя его «элекке декадент шагыйрь» и рассматривая поэму «Урман кызы» как пример такого декадентского произведения.

В ряду негативных оценок модернизма в литературе 1930-х гг. укажем и поэму А. Файзи «Флейты» (1933). Уже в эпиграфе к поэме содержится противопоставление мелкобуржуазного романтизма и упадничества героико-революционному мировос-

ФИЛОЛОГИЯ

приятию: «Моны вак буржуа романтизмын революциянең героик көндәлегенә, төшенкелек флейталарын революцион яшәү һәм жинү гөрелтесенә алыштырган таза йөрәкле интеллигенциягә багышлыйм»⁹.

В первой части поэмы автор создает образ интеллигента, в котором нельзя не заметить черты гиссианиста:

Без сөймәгән әйбер калмады, бу Оргияле кичне...

Тост күтәрдек Наядага охшаш Блондинка өчен...

Шунла ук «милләт» өчен...

һәм гомүмән

«Планета» өчен;

«Бәни бәшәр» өчен, «бәндә»ләрнең Туганлыгы өчен

Ант ишеттек шунда,

бер-беребезнең

Күз яшьләрен эчеп.

Шул исереклек белән туды миндә Һич сәбәпсез бунтарь

Мин дингезгә карап кычкырдым:

- Яндырырмын, тукта! 10

Создаваемый А. Файзи образ бунтаря во многом соответствует оцен-

творчества поэтов-гиссианискам тов (в первую очередь, Х. Такташа) со второй половины 1920-х гг. Этот образ стереотипичен: он включает в себя атрибуты так называемой богемности, понятия, которое наряду с вышеназванными («декадентство», «футуризм») выступало в роли ярлыка11. Примечательно использование стилистических маркеров «богемности» (слов «оргия», «Наяда»), а также мотива опьянения, устойчивого атрибута образа декадента¹².

Приведенных примеров достаточно, чтобы представить репутацию модернизма в татарской литературе на рубеже 1920-1930-х гг. Модернизм включается в число маргинальных явлений в истории татарской литературы, а слова «символист», «футурист», «декадент» становятся оружием в борьбе с литературными оппонентами. Такая репутация модернизма в татарской литературе в целом преобладала на протяжении последующих пятидесяти лет, и лишь в 1980-е гг. начинается реабилитация модернизма, о чем свидетельствуют научные исследования, написанные за последние два десятилетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Нигматуллина Ю*. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. Казань: Фэн, 2002. С. 12–13.
 - ² Там же. С. 14.
 - ³ Кәрим Ф. Гармун турында// Яңалиф. 1930. № 1. С. 29
 - ⁴ *Сайфи-Казанлы Ф.* Аклык кирэк// Яңалиф. 1930. № 2. С. 44.
 - ⁵ *Хисматуллин*. Туфан шигырьләре// Яңалиф. 1931. № 2. С. 53.
 - ⁶ Там же. С. 54-55.
 - 7 Яналиф. 1931. № 12. С. 64.
- 8 *Нигмати Г*. Социалистик реконструкция чорында Совет татар матур әдәбияты// Совет әдәбияты. 1934. № 7. С. 96.
 - ⁹ Фәйзи Ә. Әсәрләр: 3 томда. Т. 2. Казан, 1964. Б. 227.
 - ¹⁰ Там же. С. 228.
- 11 В упомянутой нами статье Г. Нигмати наряду с А. Кутуем и Н. Исанбетом критикуется и поэт Ченекай, по отношению к деятельности которого автор использует слово «богемность» («богемачылык»).
 - ¹² Ср. со стихотворением Ф. Карима «Гармун турында».

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН • 2'2013

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о репутации модернизма в татарской литературе рубежа 1920—1930-х гг. На основе изучения критических выступлений и литературных произведений устанавливается отношение к модернизму как маргинальному явлению.

Ключевые слова: модернизм, татарская литература, критика, литературная репутация.

Summary

In this article we considered the question on the reputation of modernism in the Tatar literature of 1920–1930. On the basis of studying of critical performances and literary works the relation to modernism as the marginal phenomenon is established.

Keywords: modernism, Tatar literature, criticism, literary reputation.